

Семейная хроника Вахромеевых

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Сегодня «Северный край» завершает публикацию фрагментов воспоминаний Варфоломея Александровича Вахромеева – внука ярославского городского головы Ивана Александровича Вахромеева. Мы напечатали лишь небольшую часть рукописи, которую в полном объеме готовит сейчас к изданию ярославский историк Ярослав Смирнов.

МЯТЕЖ В ЯРОСЛАВЛЕ

В ночь на 6 июля 1918 года эсеры и белогвардейцы подняли мятеж при помощи присланных сюда Савиновым белых офицеров в количестве до 300 человек. Для многих это стало трагедией, в том числе и для нашей семьи.

С утра в Норском еще ничего не было известно. Лишь на следующий день, когда в городе возникли пожары и слышна была орудийная стрельба, дошли слухи и до нас. Подробностей пока никто не знал. Позднее, когда в Норское стали прибывать из города люди, лишившиеся жилья и спасавшиеся от артиллерийского обстрела, все прояснилось.

Зарево и дым горевшего города были видны с берега Волги. Мама очень волновалась, будучи в неизвестности, что с нашим домом и со всеми оставшимися в городе. Спустя несколько дней наша прислуга Ульяна выехала пробраться в город. Мама сперва колебалась, как отпустить в такое пекло уже немолодую женщину, но потом, по ее настоянию, согласилась и написала папе письмо.

Ульяна переехала на лодке на другой берег Волги (в Норском был такой перевоз) и направилась пешком к городу. Там она с большим риском переправилась через Волгу на продолжавшем курсировать перевозе. Риск заключался в том, что в перевоз мог угодить любой шальной снаряд, посланный из-за Которосли по оставшим, которые засели в центре города. Переехав на правый берег Волги, она пробралась вдоль реки под его крутым спуском и только против нашего переулочка поднялась ползком на набережную. Так она героически достигла цели.

Собрав все сведения и получив от папы ответное письмо, она таким же путем вернулась в Норское. Что мы узнали от нее? Что Ваня должен был утром 6 июля приехать из Москвы после выпускных экзаменов. За ним послали кучера Андрея. Кучер рассказывал, что когда подъехал к мосту через Которосль, его остановил патруль: «Куда едешь?» – «Встретить молодого барина, приезжает из Москвы с учения». Его пропустили.

В это время еще не было военных действий. Аресты руководящих партийных работников и членов городского совета мятежники произвели ночью, поэтому сопротивление оставшим не могло сразу организоваться. Вся их ставка была на неожиданность и скрытность.

С момента начала боев отец все время находился дома. Артиллерийская стрельба велась вначале из-за Которосли подоспевшими частями Красной армии. Мятежники вели заградительный огонь с противоположного берега, со Стрелки. Поэтому здесь было особенно много разрушений: сгорел знаменитый юридический лицей, построенный Демидовым; был сильно поврежден Успенский собор, а также прилегавшие к ним дома. В наш

ли бы мои родители своевременно получили в Москве в отделе по делам музеев и охране памятников старины и природы соответствующую охранную грамоту, подобно той, которую успел оформить Александр Андреевич Титов на дом, историческое хранилище и библиотеку своего отца Андрея Алек-

вам. На Ильинскую площадь она не пошла, это было бесполезно. В городском совете была комиссия, которая занималась расселением тех, кто остался вследствие пожара и разрушений без жилья. Туда она и решила обратиться.

Но предварительно ей нужно было подыскать что-либо подходящее для нас. В Ярославле у нас были еще небольшие жилые дома, где преимущественно размещались наши служащие. Один из таких домов находился на Которосльной набережной в близости от мельницы. Это был одноэтажный дом на высоком каменном фундаменте, подвал которого служил складским помещением. Верх его был деревянный, состоявший из двух квартир с отдельными входами. Здесь ранее жили наши доверенные. Во время мятежа все уехали в пригород.

Весь верхний этаж был сильно разбит артиллерийским

туалет, две лестницы – парадная и черная.

Следующим этапом маминого наступления на невзгоды было добывание обстановки. Пока Катя с мужем еще жила в Исадах, мама съездила туда и выяснила, какова там ситуация. Оказалось, что дом в имении еще не занят, и ей удалось привезти оттуда самое необходимое: дачные железные кровати, кое-какую мебель и прочее. Когда все это она осуществила, начался третий этап ее «борьбы за выживание». Он требовал еще большей смелости и упорства.

После подавления мятежа в наш дом был назначен комендант, которому поручили проинформировать учет национализированного имущества. Как я уже говорил, все служащие были распущены; им было указано забрать свои вещи и освободить помещение. Наша гувернантка София Адольфовна, уз-

Автор воспоминаний Варфоломей Александрович Вахромеев – педагог и музыкальный теоретик.

Вахромеевская прислуга на даче. Возможно, среди сидящих за столом женщин есть и та самая Ульяна, пробравшаяся с дачи в охваченный восстанием город, а в белом платье на заднем плане – гувернантка София Адольфовна, поступившая после мятежа учителем немецкого языка в обычную советскую школу. Снимок предоставлен государственным архивом Ярославской области.

дом попало четыре снаряда. Отец и служащие все время были настороже, следя за тем, чтобы не возник пожар. Все, кто находился в доме, сидели в подвальном помещении. Во флигеле был тоже хороший, довольно глубокий подвал, в котором находилась кухня для служащих и прачечная. В нем укрывались все, кто был связан с домовым двором, конюшнями и скотным двором.

Через некоторое время Ульяна опять пошла в город, но в этот раз ей не повезло. Добравшись благополучно туда, она заболела и больше недели пролежала в дворничком подвале, где ей оказывали помощь находившиеся там служащие. С большим трудом, ослабевшая и уставшая, она вернулась в Норское.

Мятеж продолжался 16 дней и был, как известно, подавлен. Когда Коля вернулся из Данилова, он приехал к нам на дачу. Ваня тоже, как только кончился мятеж, пришел из города пешком. Вскоре они оба уехали к отцу, который вынужден был при сложившихся в городе обстоятельствах покинуть его. Бабушка Елизавета Семеновна уехала в Ростов-Ярославский и поселилась в доме управляющего цикорной фабрикой. Детей Семена Ивановича увезли в Петроград.

Дом со всем имуществом был национализирован и временно занят какой-то военной частью. Все наши служащие при доме были распущены. Этими вопросами занимался назначенный комендант, латыш.

Причиной такого резкого изменения в ходе революционных событий в Ярославле послужил, разумеется, эсеровский мятеж. Всем напастям, обрушившимся на головы ярославцев, – гибелью одной трети жилого фонда города, имущества горожан, разрушению общественных и исторических ценных зданий – они обязаны контрреволюционным бандам во главе с Савиновым, а также силам, поддерживавшим его из-за рубежа.

Здесь я хочу несколько отклониться и заметить, что наш дом с его художественными интерьерами, ценной обстановкой, знаменитой дедушкиной библиотекой и другим имуществом мог бы быть сохранен, ес-

сандровича в Ростове-Ярославском.

Предполагалось, что охранная грамота должна служить документом для последующей передачи государству охраняемых зданий и исторических ценностей, которые ею страховались от расхищения. Этого, к сожалению, не произошло с нашим домом, что нанесло урон и государству.

«БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ»

После того как острота обстановки в городе стала снижаться, мама отправилась туда, чтобы выяснить, какова возможность нашего возвращения. С этого началась полоса ее буквально героических усилий, направленных на то, чтобы создать хотя бы минимальные условия для нашей дальнейшей жизни. На ее руках осталось четверо нас буквально без всяких средств для существования.

Я остановлюсь на этом несколько подробнее, так как это весьма поучительно и, безусловно, выявляет поразительную стойкость маминого характера.

Советоваться в то время ей было не с кем. Она действовала по своему разумению и по вполне справедливым моти-

обстрелом, но, к счастью, не сгорел. Между прочим, главный корпус мельницы (крупчатое отделение) во время мятежа сгорел. А близлежащие деревянные помещения чудом уцелели... Мама осмотрела этот брошенный дом, выбрала ту квартиру, которая была менее повреждена, и, явившись в жилищное управление, попросила выдать ей ордер на эту квартиру при ее обязательстве произвести ремонт на собственные средства.

Она объяснила, что при сложившихся обстоятельствах осталась одна с детьми и без жилья. Учитывая то, что она взялась сама произвести все восстановительные работы, ей выдали ордер.

Теперь надо было найти материал и мастеров. Она рискнула пойти в мельничную контору. Там нашлись люди, которые сочувственно отнеслись к ее положению и помогли постепенно к осени произвести самый необходимый ремонт: заделать пробоины, исправить оконные рамы, застеклить их, исправить печи, починить крышу, покрасить изуродованный фасад дома и прочее.

В квартире было четыре комнаты; пятая, отгороженная от прихожей, – темная, кухня,

нав об этом, поехала в город выручать свое имущество. Видимо, она или кто-то другой сообщил маме, что некоторые из прислуги прихватывают под видом своих вещей и наше имущество из числа тех предметов, к которым они по службе имели непосредственное отношение. Это делалось не с целью вынести их для передачи нам, а с тем, чтобы поживиться на чужом несчастье!

Мама, посоветовавшись с кем-то из юристов и выждав некоторое время, пока вся прислуга разведется по своим домам, отправилась в губрозыск. Там она сообщила, что во время мятежа часть прислуги, пользовавшаяся ее отсутствием, похитила из дома некоторое принадлежащее ей имущество. И здесь, в этом случае, отнеслись к ней с пониманием и предложили такой план. Она сообщает адрес подозреваемого, ей дают агента, и они едут вместе. Представитель губрозыска производит обыск при маме и понятых, она узнает свои вещи, их описывают, составляют акт и забирают. Преступник оставляется на свободе, если он признается в совершенном, мягко выражаясь, проступке. Мама обязывается заплатить губрозыску N-ный про-

цент за оказанную услугу, исходя из стоимости обнаруженных предметов. Все ее вещи доставляются в губрозыск для оценки согласно составленной на месте описи.

На первых порах самым необходимым было обнаружить что-либо из зимней одежды, так как все мы остались без теплых вещей. Я не буду перечислять здесь лиц, которые были уличены в хищении, а также всего найденного. Скажу лишь, что среди значительного числа предметов были обнаружены и ценные вещи, например, мамин каракулевое манто, новая Колина шуба (не форменная) и другое. Но об одном курьезном факте все же расскажу. Известно, что в последние годы войны ощущался острый недостаток не только продовольствия, но и хозяйственных товаров. Незадолго до революции мама приобрела в магазине Комаровых большую глыбу хозяйственного «мраморного» мыла. Она стояла у них на витрине. Когда ее привезли, то разрезали на обычные ровные куски и сложили в ящики... И что же? К кому бы из подозреваемых ни приходили, при обыске обнаруживали это мыло в разном количестве. Даже агент, производивший обыски, не без юмора говорил маме: «Екатерина Алексеевна, смотрите, опять ваше мыло!» Просто смех сквозь слезы...

Перед нашим возвращением в город мама съездила к папе попрощаться. Отец уезжал на юг. С ним поехали братья Иван и Николай и Катя с мужем.

Колю я видел в последний раз, когда мы уже переехали в город. Он приезжал к нам за своей шубой, которую мама обнаружила у прислуги. Была поздняя осень, и он надел шубу на себя. Я смотрел ему вслед из окна, на его стройную фигуру, удалявшуюся по берегу Которосли в сторону «американского» моста...

В нашей новой квартире было чисто и тепло, топились печи. На дворе было много сложенных в поленицы дров. Они были заготовлены, видимо, уже давно и оставлены здесь прежними постояльцами. Это обстоятельство не осталось незамеченным мамой, когда она осматривала помещение перед ремонтом. С нами возвратились повар и Ульяна. Гувернантка сняла комнату за Которосль и поступила работать в школу преподавателем немецкого языка. Вот когда познаются люди! Прожив у нас в доме много лет в исключительных условиях, она после ухода от нас, зная, в каком положении мы оказались, ни разу не пришла нас навестить!

Всю первую половину зимы мы устраивались на новом месте жительства. Привыкали к сложившейся обстановке. Для меня было счастливой неожиданностью то, что у нас в квартире оказался хороший рояль фирмы «Ратке». Случилось так, что в соседней квартире, которую занимал наш доверенный Чеканов, остался его рояль, который в спешке не смогли вывезти. Квартира была, как я уже говорил, сильно повреждена, и если бы рояль был там оставлен на осень и зиму, то от холода и сырости мог бы пропасть. Мама предложила Чеканову взять рояль к нам, с тем чтобы я мог заниматься музыкой, и он согласился. Таким образом, мои занятия с этой стороны были обеспечены...

Текст воспоминаний В. А. Вахромеева подготовила к печати Татьяна ЕГОРОВА.